

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г58

Серия «Мировые шедевры. Иллюстрированное издание»
Вступительная статья и комментарии *Виктории Горпинко*
Оформление обложки *Юлии Межовой*

Гоголь, Николай Васильевич

Г58 Вечера на хуторе близ Диканьки. Вий / Н. В. Гоголь; вступ. ст. и коммент. В. Горпинко. — Москва: АСТ, 2019. — 343, [5] с. — (Мировые шедевры. Иллюстрированное издание).

ISBN 978-5-17-118295-3

«Вечера на хуторе близ Диканьки» погружают читателя в славную историю запорожского казачества, атмосферу страшных украинских легенд и романтических сказаний, яркие декорации с шумными ярмарками, щедрыми застольями, фактурными, полнокровными персонажами. «У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных», — писал Гоголь. Реальность, преображенная его фантазией, приобретает изящную художественную завершенность, а герои воспринимаются как целостные поэтические типы. Однако наиболее уникальная черта гоголевского стиля — это, конечно, юмор, в русской литературе явление единственное в своем роде.

Повесть «Вий» — фактически первый русский триллер, с едва прикрытым эротическим подтекстом и готовыми декорациями для мистического фильма ужасов. Фольклорные персонажи, связанные с нечистой силой, перестают быть забавными существами, над которыми хитрый герой — как положено в сказках — всегда одерживает победу. Именно в «Вие» Гоголь переходит от изображения вымышленных демонических персонажей к отображению подспудного демонизма самой жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Подписано в печать 10.09.19.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Усл. печ. 28,38.
Печать офсетная. Бумага финская. Гарнитура Mysl.
Тираж экз. Заказ № .

© В. Горпинко, вступ. ст. и коммент., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Петербург 1829 года встретил романтически настроенного юного Гоголя холодно и равнодушно. Двадцатилетний выпускник Нежинской гимназии прибыл в столицу, полный надежд и планов, мечтая о блестящей карьере, хотя с конкретным поприщем еще не определился. Пробовал поступить на сцену, служить писцом, преподавать историю. Богатая натура Гоголя в тесные чиновничьи рамки не вмещалась, а игривое воображение требовало совсем другого выхода. В его письмах к матери и сестре то и дело звучит настойчивая просьба «сообщать о нравах малороссиян наших», присылать описания национальных нарядов и гетманских костюмов, свадебных традиций, народных поверий о русалках, домовых и духах. Его интересуют старинные книги и «рукописи стародавние про времена гетманщины», украинские песни и сказки. Кажется, что мысли о малой родине – его единственная отдушина в негостеприимной Северной столице. Неудачно дебютировав в печати с наивной поэмой, Николай Васильевич

вскоре задумывает несколько повестей, основанных на украинском фольклоре и пронизанных щедрым, чувственным южным колоритом. Опубликованные в 1831–1832 годах восемь повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» наконец приносят Гоголю долгожданную известность, а в корпус русской литературы вводят совершенно новые типажи, новую топонимику, новый исторический ракурс. Действие повестей охватывает три столетия, легко переноса читателя из века XIX в XVII и обратно, погружая в славную историю запорожского казачества, атмосферу страшных украинских легенд и романтических сказаний, яркие декорации знакомого писателю сельского быта с шумными ярмарками, щедрыми застольями, фактурными, полнокровными персонажами. «У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных», – писал Гоголь. Реальность, преображенная его фантазией, приобретала изящную художественную завершенность, а герои воспринимались как целостные

*А. Венецианов.
Гоголь в 1834 году*

поэтические типы. Сколько имен нарицательных подарили нам его произведения! Однако наиболее уникальная черта гоголевского стиля, проявившаяся в первой же его книге, это, конечно, юмор – в русской литературе явление единственное в своем роде.

«Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности, – откликнулся Пушкин на прозаический дебют Гоголя. – А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались „Вечера“, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. <...> все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам

малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина!»

Если интерес Гоголя к страшным сюжетам подогревался немецкой романтической школой (в частности, творчеством Э. Т. А. Гофмана), то его сатирический талант развивался под влиянием украинской смеховой традиции. Сюжеты его повестей, как и образ черта, явно перекликаются с балладами родоначальника украинской сатиры П. П. Гулака-Артемовского. Особую роль в формировании культурного кругозора Гоголя сыграл драматург и поэт И. П. Котляревский, основоположник украинского литературного языка. С украинским классиком Гоголя роднит прежде всего природа юмора, неразрывно связанного с бурлеском – народной смеховой культурой, в которой переплелись низкое и высокое, обыденное и героическое, комическое и серьезное.

Юмор – идеальное оружие для выполнения главной писательской задачи, как понимал ее Гоголь: «Уже издавна я только тем и озабочен, чтобы после моего сочинения вдоволь насмеялся человек над чертом». В его картине мира черт – это воплощение человеческой пошлости, ко-

торую он чувствовал и умел показать как никто другой. Как отмечал Д. С. Мережковский, «Гоголь первый увидел невидимое и самое страшное, вечное зло не в трагедии, а в отсутствии всего трагического, не в силе, а в бессилье, не в безумных крайностях, а в слишком благоразумной середине, не в остроте и глубине, а в тупости и плоскости, пошлости всех человеческих чувств и мыслей, не в самом великом, а в самом малом». «Вечера на хуторе близ Диканьки», во многом несовершенные, еще ученические, но навеянные «сладкими минутами молодого вдохновения», стали первым шагом к формированию так называемой натуральной школы – ранней формы критического реализма, который предопределил облик всей русской литературы XIX века. Само понятие «гоголевское направление» стало синонимом критического реализма.

Украинская история, традиционный быт и фольклор продолжают занимать воображение писателя и в сборнике повестей «Миргород», опубликованном в 1835 году и включавшем одно из самых загадочных произведений русской литературы XIX века. Повесть «Вий» – фактически первый русский триллер, с едва прикрытым эротическим подтекстом и готовыми де-

корациями для мистического фильма ужасов.

В отличие от романтизированной, почти сказочной атмосферы «Вечеров...», в «Вие» Гоголь находит своих героев среди тогдашних студентов, помещая их в грубую реальность бирсы – такого откровенного описания семинарских нравов литература еще не знала. В этом изменившемся мире, расколотом непримиримыми противоречиями, и фольклорные персонажи, связанные с нечистой силой, перестают быть забавными существами, над которыми хитрый герой – как положено в сказках – всегда одерживает победу. В жизни добро торжествует далеко не всегда, и недоучившийся философ Хома Брут, в силу своей человеческой слабости, становится жертвой потусторонних сил.

В повести «Вий» намечился новый этап в творчестве Гоголя: от изображения вымышленных демонических персонажей он переходит к отображению подспудного демонизма самой русской жизни. Вскоре, окончательно порвав с народным мифотворчеством, писатель перенесет ощущение фантазмагории в окружающую действительность, такую шаткую и призрачную, что она оказывается страшнее народной фантастики.

Виктория Горпинко

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ*

**Повести, изданные пасичником
Рудым Паньком***

«Вечера на хуторе близ

Диканьки». *Диканька* – поселок в Полтавской области, в центральной Украине, который впервые упоминается в летописях в 1658 году. В первой трети XIX столетия, когда Гоголь работал над циклом «Вечеров», село насчитывало около 3 000 жителей, тут была открыта первая частная школа. Ежегодно в Диканьке проводилась широко известная ярмарка, и действовали две церкви – Николаевская, в которую, согласно семейным преданиям, приезжала мать Гоголя, молясь о рождении будущего сына, и Троицкая, в которой часто бывал сам писатель и куда, по некоторым версиям, заходил кузнец Вакула из повести «Ночь перед Рождеством». Стоит отметить, что это единственная повесть, действие которой происходит непосредственно в Диканьке, тем не менее, Гоголь вынес название деревни на обложку книги. Судя по всему, это было сделано намеренно, в расчете на интерес российского читателя. Исторически сложилось так, что со времен Екатерины II путь высочайших особ во время поездок в Малороссию всегда пролегал через Диканьку. Сохранилась запись князя И. М. Долгорукого, согласно которой после посещения деревни

Екатерина II уверяла, что она «лучше ничего не видала».

Кроме того, Диканька навсегда связана с именем Генерального писаря Войска Запорожского Василия Кочубея, которому она принадлежала с конца XVII века. В поместье Кочубеев был возведен усадебный ансамбль, а под Николаевской церковью находится семейная усыпальница Кочубеев.

Павел Плетнев

«Повести, изданные пасичником Рудым

Паньком». Гоголь ввел вымышленного автора и издателя *Рудого Панька* по совету поэта, критика и педагога Павел Александрович Плетнева – так проще было объяснить стилистическую и сюжетную неоднородность восьми повестей, действие которых охватывает разные исторические эпохи на протяжении трех столетий – с XVII по XIX век. Имя Рудый Панько выбрано неслучайно, оно отсылает к самому автору. *Панько* – уменьшительное от Панаса, украинизированной формы имени Афанасий – так звали прадеда писателя Афанасия Демьяновича Яновского, сменившего фамилию на Гоголь-Яновский. *Рудий* в переводе с украинского – рыжий, что намекало на рыжеватый цвет волос Гоголя в молодости.

Село Диканька. XIX век

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Предисловие

«Это что за невидаль: „Вечера на хуторе близ Диканьки“? Что это за „Вечера“? И швырнул в свет какой-то пасичник! Слава богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякого звания и сброду, вымарало пальцы в чернилах! Дернула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее».

Слышало, слышало вещее мое все эти речи еще за месяц! То есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захолустья в большой свет – батюшки мои! Это все равно как, случается, иногда зайдешь в покои великого пана: все обступят тебя и пойдут дурачить. Еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство, нет, какой-нибудь оборванный мальчишка, посмотреть – дрянь, который копается на заднем дворе, и тот пристанет; и начнут со всех сторон притопывать ногами.

«...ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей...» Подсудок из земского суда – старинный земский чин в Российской империи, мог исполнять функции помощника земского судьи или заменять его.

Земский суд – уездный судебно-административный орган России в 1775–1862 годах, избирался дворянами и государственными крестьянами.

Иерей – священнослужитель второй ступени в христианской церковной иерархии, женатый священник, к которому обращались *ваше преподобие*.

«**Это у нас вечерницы!**» *Вечерницы*, или *вечёрки*, – форма осенне-зимних развлечений, собрание неженатых молодых людей, где они рассказывали сказки и разные истории, пели песни, танцевали, ухаживали, совмещая досуг с домашней работой – вышиванием, шитьем, прядением. Начинались вечерницы поздней осенью и продолжались до Великого поста, делились на будние и праздничные, на которых только

И. Репин. Вечерницы

А. Волков. Сцена в суде

«Куда, куда, зачем? пошел, мужик, пошел!...» Я вам скажу... Да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором вот уже пять лет как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей*, чем показаться в этот великий свет. А показался – плачь не плачь, давай ответ.

У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму), – у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдыхать на всю зиму на печь и наш

брат припрятет своих пчел в темный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, – тогда, только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонек, смех и песни слышатся издалеча, бренчит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум... Это у нас *вечерницы!** Они, изволите видеть,

они похожи на ваши балы; только нельзя сказать чтобы совсем. На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберется в одну хату толпа девушек совсем не для балу, с веретеном, с гребнями*; и сначала будто и делом займутся: веретена шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату парубки с скрипачом – подымеется крик, затеется шаль*, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька. За что меня миряне прозвали Рудым Паньком – ей-богу, не умею сказать. И волосы, кажется, у меня теперь более седые, чем рыжие. Но у нас, не извольте гневаться, такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно. Бывало, соберутся накануне праздничного дня добрые люди в гости, в пасичникову лачужку, усядутся за стол, – и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какие-нибудь мужики хуторянские. Да, может, иному, и повыше пасичника, сделали бы честь посещением. Вот, например, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпустить! Две из них найдете в этой книжке. Он никогда не носил пестрядевого халата*, какой встретите вы на многих дере-

«Он никогда не носил пестрядевого халата...» *Пестрядевый* – сшитый из пестряди (пеструшки), ткани, сотканной в домашних условиях из пряжи разного цвета.

Веретено

«...с веретеном, с гребнями...» *Веретено* – ручное орудие для прядения, деревянная точеная палочка, острая сверху и утолщенная в нижней трети, на которую накидывается нитка.

Гребень – деталь ручной прялки, высокий деревянный стояк с зубьями.

Гребень

«...затеется шаль...»

Шаль – дурь, блажь, взбалмошное поведение.

Пестрядевый сарафан